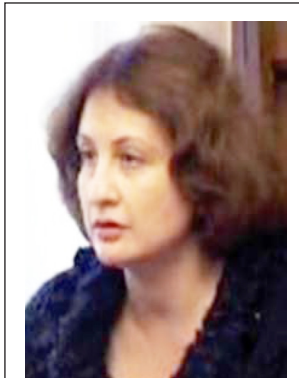

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 39
DOI 10.46698/VNC.2023.34.25.001

А.Х. Хадикова

Этническая личность в этнокультурном пространстве осетинского этноса: историко-ретроспективный аспект проблемы

Алина Хазметовна Хадикова

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Владикавказ, Россия, khadikovaa@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа эмпирического материала, собранного автором, с применением историко-ретроспективного подхода исследуется феномен «этническая личность» как вполне жизнеспособный фактор этнокультурной преемственности современных осетин. Исследование выполнено в рамках исторической антропологии. Это означает, что основной предмет изыскания – свойства этнической личности, а также воплощающие их конкретные стереотипы и поведенческие программы – рассматривается в историческом контексте. Выявляются специфические критерии феномена «этническая личность» и те аспекты его этнокультурного сопровождения, которые позитивно оцениваются молодыми осетинами и по сию пору присутствуют в их суждениях о базовых ценностях и социокультурных накоплениях собственного народа.

Ключевые слова: этническая личность, этнофор, этностереотипы, этико-коммуникативные программы, современные воплощения, этнокультурная преемственность

Для цитирования: Хадикова А.Х. Этническая личность в этнокультурном пространстве современного осетинского этноса и историко-ретроспективном контексте проблемы // Вестник Владикавказского научного центра. 2023. Т. 23. № 2. С. 35–42. DOI 10.46698/VNC.2023.34.25.001

Ethnic personality in the Ethno-cultural space of the Ossetian ethnos: historical and retrospective aspect of the problem

Alina Kh. Khadikova

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, khadikovaa@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of empirical material collected by the author using a historical-retrospective approach, the article examines the phenomenon of "ethnic personality" as a completely viable factor in the ethno-cultural continuity of modern Ossetians. The study was carried out within the framework of historical anthropology, which means that the main subject of research - the properties of an ethnic personality, as well as specific stereotypes and behavioral programs embodying them, are considered in a historical context. The specific criteria of the phenomenon of "ethnic personality" and those aspects of its ethno-cultural accompaniment that are positively assessed by young Ossetians and are still present in their judgments about the basic values and socio-cultural accumulations of their own people are revealed.

Keywords: ethnic personality, ethnophore, ethnostereotypes, ethical and communicative programs, modern incarnations, ethno-cultural continuity.

For citation: Khadikova A.Kh. Ethnic personality in the Ethno-cultural space of the modern Ossetian ethnos and in the historical and retrospective context of the problem // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. No 2. P. 35–42. DOI 10.46698/VNC.2023.34.25.001

В статье на примере разделенного осетинского народа и в ракурсе историко-антропологического подхода исследуется проблема этнической личности, что продолжает изыскания автора в области субъектных характеристик этноса и их включенности в процессы этнического воспроизводства [1, 2]. Исследование выстроено в соответствии с современными потребностями разностороннего познания факторов этничности и включает такие методы этнологического поиска, как опрос, интервьюирование, непосредственное наблюдение и

пр. Целью статьи является: во-первых, историко-антропологический анализ уникального феномена «этническая личность» в контексте конкретных этностереотипов – этих минимальных элементов формирования этнического образа и его воссоздания в процессах межпоколенной этнокультурной преемственности. И, во-вторых, выявление их присутствия в молодежной студенческой среде.

Этностереотип в данном исследовании рассматривается как выверенный историческим опытом механизм культурного фильтрования, а уже в этом

качестве – как инструментальная основа существования и самого личностного образа, и нравственно-этических образцов, на которые он ориентирован. Разумеется, это задача более обширного объема научного анализа, в рамках одной статьи возможно лишь выявление классификационных признаков стереотипов и их систематизация. Уточним, что именно этностереотипами фактически проецируется и такое загадочное, но вполне подлежащее научному анализу явление, как «культурный код» народа. Эмпирический анализ свидетельствует, что его составляют приметные компоненты этнокультуры, имеющие сакральный подтекст, глубокую внутреннюю взаимосвязь, позитивное осмысление и, соответственно, немалые этноидентификационные ресурсы. Заповеданные предками как «лучшие», они чаще всего восходят к глубокой древности, формируют статическую, то есть неизменную часть этнического сознания – ядра этнокультурного наследия. Ими могут стать объекты материального наследия (у осетин это традиционные ремесла, национальные блюда «молитвенного комплекса»: пироги, пиво и пр.) и нематериального: некоторые виды исполнительского искусства (хоровое пение в героическом жанре, массовый танец Симд и пр.), праздничные и прочие событийные застольные обряды и ритуалы и многое другое. Но самым главным в этом ряду является этнический кодекс чести *Æгъдау*, фактически состоящий из стереотипов: строгих нравственных установок и мотивированных ими коммуникативных программ.

Статус перечисленных (не полностью) факторов, имеющих для современного осетинского этноса этноидентификационный подтекст, подтверждается опросом, проведенным автором среди студентов – этнических осетин [1]. Согласно его результатам, к упомянутому выше ядру этнокультурной преемственности примыкает и эстетизированный стереотипный идеал этнической личности, в нашем случае – это образ «настоящего осетина». Уточним, что феномен этнической личности мы толкуем как важнейший, объективно и исторически сформировавшийся фактор этничности, оснащенный немалыми идентификационными полномочиями, в том числе и на современном этапе. Более того, этническая личность может быть одним из ярких и «узнаваемых» аспектов этнокультурного наследия, что является еще одним стимулом для всестороннего ее изучения. Своеобычность этноса более всего очевидна в контрасте, а устойчивые, упрощенные, эмоционально окрашенные личностные образы и идеалы аккумулируют в себе многое, в том числе и исторические рефлексии опыта межнационального взаимодействия.

Нельзя не упомянуть и еще об одной потенциальной пользе направления: изучение качеств и свойств этнической личности в исторической ретроспективе может быть включено в ресурс этнокультурного брендинга и туристического вектора развития северокавказского региона [3–5]. В этом

смысле весьма информативны уже существующие видеосюжеты туристического характера, содержащие попытки (более или менее удачные) определения типа личности «настоящего» осетина [42, 43].

Присутствуя в актуальном пространстве народа и проецируя его этнический колорит, этностереотипы и связанные с ними морально-этические установки сгруппированы в «правильных» качествах личности и свойственных ей «правильных» же поступках. В них суммирован опыт всех пережитых этносом эпох, что облегчает не только ретроспективный анализ культурных накоплений прошлого, но и понимание культурно-семантических характеристик современного этнического пространства.

Прежние исследования автора убеждают его в том мнении, что для всестороннего понимания сути этноса со всеми его ближайшими и отдаленными перспективами необходимо более глубокое изучение носителя и одновременно сотворца этнокультуры. Что, в свою очередь, требует введения понятия «интериоризация» (от «interiorisation» – «переход извне внутрь») в предметную область современной исторической антропологии, в рамках которой целесообразно обратить внимание на особенности преобразования «внешней», а по сути историко-этнической, реальности во «внутреннюю», психологическую [6]. Эти глубоко ментальные процессы становления этнической личности в зависимости от окружающей ее этнокультурной реальности равно интересны историкам и психологам. Подчеркнем этот факт с той поправкой, что психологи в первую очередь интересуются проявлением высшей нервной деятельности у представителей разных этносов, а этнологический / антропологический подход актуализирует историческую ретроспективу тех компонентов этнокультуры, которые оказались столь значимы, что обрели способность повлиять на формирование психического склада этноса. Потребность в самом широком понимании упомянутых процессов усиливается в отношении осетинского этноса по причине исторического факта его разделенности: фактический опыт несомненного развития северных и южных осетин в разных хозяйственно-культурных, природно-климатических, а соответственно, социокультурных обстоятельствах весьма велик. Тем интереснее видятся перспективы совместного (этнологами и психологами) изучения процессов интериоризации этого народа.

Все это наполняет новыми смыслами научный анализ этностереотипов, ведь, помимо указанной выше «инструментальной» функции позитивного отсева в процессах этнокультурной преемственности, они фиксируют и хранят информацию и об эмоциональных оценках, нравственных позициях и мотивациях, то есть именно о психологическом контексте жизни этноса. В этом смысле важно, что развитию историко-антропологического анализа этнической личности могут способствовать исследования самого разного характера, при этом

занимательно, что их авторы (историки, этнологи, фольклористы, культурологи и др.) подчас и не помышляли об этой дополнительной, но очень важной перспективе своего труда [7–16] и др.

Помимо сказанного выше, уточнение исследовательской гипотезы наших изысканий требует констатации специфической для осетинского этноса закономерности: при недостаточной сохранности родного языка заместительные этноидентификационные функции в этническом самосознании народа принимают на себя компоненты этнокультуры, связанные с традиционной этикой [17, 18]. У осетин уникальный историко-культурный феномен – «образ себя» мотивирован архетипичными ценностями, в научной литературе есть их обобщающее обозначение – «ирондзинад», или *ирон фæтк*, в дословном переводе «осетинство» [19, с. 270–271]. И свою конкретную реализацию этот важнейший феномен мыслительной сферы этноса обретает как раз в этнических формах общения и поведения. Но также важно понимать, что активные формы внутриэтнической коммуникации только в том случае мотивированы обычаем, когда составляющие его поведенческие установки и моральные убеждения все еще присутствуют в актуальных ценностных ориентациях этноса и нравственных исканиях большинства входящих в него людей. Тогда следование традициям (ныне у осетин оно весьма выборочно), не обращаясь во внутренний конфликт, осуществляется в единстве мотивационно-побудительного, поведенческого и эмоционально-оценочного компонентов этноса.

В осетинской этносреде обычай весьма существенно сократил свое функциональное назначение. Многие из опрошенных студентов ориентированы на сохранение «осетинских» форм общения при признании их ситуативного, а не постоянного применения [1]. Вместе с тем молодые осетины в целом все еще позитивно оценивают ту часть своего этнокультурного наследия, о которой они осведомлены. Приведем один факт из наших прежних исследований: осетины оказались вовлеченными в современные процессы унификации культуры. Несмотря на этот факт, в интеллектуальной сфере Северной и Южной Осетии все интенсивнее высказываются идеи о необходимости усиления внутриэтнической консолидации во имя культурного и духовного возрождения.

Тем казуистичнее представляются нарастающие в публичном и информационном пространстве Северной Осетии тенденции этнического раскола в среде северных осетин, сопровождающиеся манифестированием субэтнических различий, вплоть до попыток позиционировать интеллигенцию одного из субэтносов в отрыве от общеэтнического ядра.

Многолетние поиски автора в области этнической культуры осетин, ее обрядовой, этноментальной, семантически-коммуникативной сфер и таких проблем, как этничность, этносаознание, историческая память, традиционная этика и пр., не дают

оснований считать такой подход целесообразным, либо сформировавшимся объективно. Намерения представить в отрыве друг от друга культуру, а то и историческую судьбу субэтносов Северной Осетии едва ли можно считать научно обоснованными и перспективными.

Возвращаясь к проблеме статьи, обратимся к полученным результатам и отметим, что молодые осетины, пытаясь позиционировать себя в качестве «человека этнического», апеллируют преимущественно к тем нравственным установкам, стандартам поведения и эмоциональным реакциям, которые считают издавна присущими своему народу. Также у нас есть основания утверждать, что в своей повседневной жизни современный молодой осетин уже не повсеместно руководствуется морально-этическими нормами из фонда этнокультурных накоплений, а тем более не следует им фактически, предпочитая быть «человеком социальным» в большей степени, нежели «человеком этническим». Однако образ «типичного» (но скорее все-таки «идеального») осетина все еще связывается с архаическими базовыми ценностями, понимание и авторитет которых сохраняются, так или иначе. Проведенные ранее исследования позволяют утверждать, что основу концепции этнофора у разделенных осетин составляет эмоциональное восприятие личной причастности к прошлому своего народа, героической мифологии, ценностям далеких предков, то есть общим для разделенного народа историческим корням и ментальным установкам [17].

Анализ характеристик этнической личности во многом связан с поиском истоков коммуникативной культуры этноса и этнически опосредованных типов социального управления поведением. Ранее нами были выявлены два фактора воздействия на этностереотипы [20, с. 311–314]. Мы предполагаем их актуальное функционирование и в отношении проецирования (в исторической ретроспективе) этнической личности осетина. Обозначаем эти два исторических / этнических фактора:

– **традиционный**, связанный с длительным бытованием у осетин (вследствие горского малоземелья) патриархальных семей, достигавших иной раз сотни, а то и больше домоладцев. К традиционному периоду восходят этико-коммуникативные программы, связанные преимущественно со «старшинством». При этом важно отметить, что патриархальность в понимании всестороннего преимущества «старшего» мужчины стала характеристикой не только семейного, но и общественного уклада осетин, поселившихся после разгрома Кавказской Алании в горных ущельях Центрального Кавказа. Условно этот период вплоть до начала XX века и принято называть традиционным;

– более ранний **архаический**: восходит к военно-иерархическому быту североиранских предков осетин [21, с. 104], с соответствующими мировоззренческими, идеологическими и коммуникативными приоритетами. Речь идет о специфике

своеобразного «рыцарского» антуража с соответствующей этикой, эстетикой, личностными образами и нравственно-поведенческими кодексами.

Итак, архаические (воинские / всаднические / рыцарские) и более поздние традиционные (патриархальные) реалии в разной степени повлияли на этнические формы общения осетин. Но системно они сосредоточены преимущественно в следующих этико-коммуникативных оппозициях.

«Старший – младший». В нашем намерении систематизировать стереотипы, ваяющие облик «настоящего осетина», была выявлена наибольшая осведомленность молодых информантов о приоритетах старшинства. Категориеобразующее значение понятий возраста сохраняется и поныне, но преимущественно в ситуациях, актуализирующих этническую специфику жизни. В исполнении обрядов и ритуалов этикетные полномочия каждого из коммуникантов действительно связаны с категориями возраста: «старший» (*хистæр*), «ровесник» (*æмгар*) и «младший» (*кæстæр*). Логично предположить, что стереотипы старшинства сформировались преимущественно в традиционный, то есть патриархальный период, поскольку воинская идеология скифов, впоследствии алан не предполагала особенно почтительного отношения к старости.

В специфической среде этого североиранского культурного конгломерата «правильный» мужчина не мог спокойно встретить старость, предпочитая принять более раннюю и «честную» кончину воина. Подобный эмоциональный настрой отражен Аммианом Марцелином в описании алан: «Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток... а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком» [22 с. 341]. Видный кавказовед Ю.Ю. Карпов также подчеркивал ориентированность аланского общества на физически активное население [23, с. 141]. Однако в этом же контексте укажем и на факт использования возрастной терминологии в практике социально-должностного соподчинения, где понятие и термин *хистæр* («старший») означает не столько обычное возрастное старшинство, сколько закрепление руководящих полномочий: в источниках есть множество сведений о «старшем» семьи (*бинонты хистæр*), села (*хъæуы хистæр*), *хистæр* Ныхаса, застолья и многого прочего. Основной смысл понятия «хистæр» содержится в его этимологии, связывающей термин с древнеиндийским «hvaistra», что означает «главный деятель», «главный участник какого-либо действия» [24, с. 89]. В патриархальный / традиционный период почтительное отношение к старикам стало толковаться как качество нравственного идеала, но все же важно понимать, что у осетин «руководство, которое осуществляют старейшие, было совершенно лишено принудительного характера» [25, с. 61].

Что касается коммуникативной стилистики алан (выше мы условно назвали ее всаднической), ее актуальное присутствие у осетин демонстрируют

стереотипы конного передвижения мужчин: если при пешем ходе позиция «впереди», как более почетная, закреплялась за старшим, то всаднический этикет обязывал младшего почтительно двигаться впереди старшего попутчика. В объяснении этого противоречия в проксемике (знаково-смысловой организации пространства) нельзя обойтись без исторических реминисценций боевого похода *балц*, где *кæстæр* – это младший воин, входящий в состав легкой конницы. В обязанности «младших» входили функции охоты, ночного дозора, разведки. Поэтому они шли впереди основного боевого корпуса тяжеловооруженной конницы, состоящей только из «старших» воинов [26, с. 42], которые выдвигались вперед только перед боевым столкновением. Молодые осетины признают приоритет старшинства, но это не носит качеств исключительного значения [1].

«Мужчина – женщина». Анализ данной этико-коммуникативной оппозиции предоставляет возможность выявить свойства и характеристики этнофора в контрасте мужской и женской субкультур. Интересно, что стереотипы, демонстрирующие положение женщины на уровне семьи и общественных взаимоотношений, отражали кардинальное несовпадение смыслов. Ранее автором этой статьи была выявлена двуприродность положения женщины в традиционной культуре осетин [20, с. 239–242]. Семейный уровень был исключительно патриархальным и демонстрировал подчиненный статус женщин, свидетельств чему можно найти немало в источниках XVIII – нач. XX вв. Женские поведенческие программы проецировались нормам кодекса *нымд – æфсарм* (стыдливости). Обращаясь к этому вопросу, И.Д. Кануков (XIX в.) делал акцент на том, что они были равно стеснительны для мужчин и женщин [27, с. 38]. Суть воспитания девушки он коротко и емко отразил в материнских наставлениях дочери: «Держи себя чинно, как подобает добронравной девушке, не позволяй себе никаких нескромных выходок перед парнями и Боже тебя упаси от неуместного хихиканья и взглядов» [27, с. 274].

Однако социальный вес женщины резко возрастал на общественном уровне. Официозное социальное общение демонстрировало более высокий престижный статус женщины, или, как минимум, равный мужскому. Поведенческие предписания, регламентирующие общение между полами в этом случае, несут на себе отчетливое воздействие коммуникативных программ более раннего «воинского» / «всаднического» / «рыцарского» происхождения. Важно также подчеркнуть, что строгие запреты, в системе которых происходило домашнее воспитание девочек, не смогли тем не менее вытеснить представлений о том, что им приличествует и некая светскость: «Девушки не скрываются от глаз посторонних людей и чужестранцев и могут отвечать скромно на все их вопросы, но не заводить с ними продолжительных разговоров» [28]. Однако из понятий и норм неременной «стыдли-

вости» девушке не пристало выходить никогда: «Во время общественных игр, где только парням есть возможность глядеть на них, девушки ведут себя чересчур скромно и изолированно от мужской молодежи» [27, с. 274].

Если женские поведенческие программы оставались неизменными в любой ситуации, то стереотипы, которым следовали мужчины, были вариативны в зависимости от конкретных коммуникативных ситуаций. Особенно яркими и зрелищными они становились в пересечении с уникальным антуражем стереотипов всадника. К примеру, если пеший мужчина принимает почтительность женщины, обязанной остановиться в нескольких шагах от него, дабы не пересечь дорогу, то конный путник выполняет «рыцарскую» архаику, связанную с конным передвижением: «У дороги... стояла большая кавалькада вооруженных... всадников, которые в виде приближения женщин слезли с коней и почтительно их пропустили. Проходя мимо них, женщины, понунив взоры, проходили молча. Если всадник едет навстречу идущей женщине, то он считает своим долгом приличия слезть с коня и, ведя его на поводу, пропустить женщину и тогда уже садиться. То же самое, если бы всадник стоял, а женщина проходила бы» [27, с. 65]. Данное наблюдение за бытом осетин относится к концу XIX века.

Таким образом, в семантическом содержании «мужских» и «женских» стереотипов отчетливо представлены сферы влияния патриархальной и всаднической этики. Со всей отчетливостью культурная реальность воинственного этноса, то есть всаднической архаики с ее спецификой и высокоразвитой нравственно-этической концепцией представлена в мужской субкультуре *лæгдзинад* («мужчинство»). Современное научное осетиноведение предоставляет возможность ознакомиться со спецификой мужской субкультуры в самом широком разнообразии ее вариантов: возрастного [29], охотничьего [30], пастушьего [31], абреческого [32], игрового [33, 34] и даже танцевального [35]. Историко-антропологический ретроспективный анализ этого уникального феномена подтверждает тот факт, что неписанный кодекс «настоящего осетина» формировался преимущественно в недрах всаднической воинской этикета и мотивациях, им порожденных.

Проведенные нами исследования также показали, что стереотипы и стандарты, свойственные «правильным» мужчине и женщине, до сих пор так или иначе присутствуют в представлениях молодежи о вариантах человеческого достоинства на уровне осмысления этнических идеалов. И еще один важный аспект, на котором стоит сосредоточить внимание: несмотря на то, что рассуждения об «идеальной» этнической личности воссоздают преимущественно мужской образ, современных юношей в основном не смущает перспектива попасть под руководство женщины в их будущей служебной деятельности [1].

Тем не менее поиск основных характеристик «образцовой» этнической личности осетин со всей отчетливостью представляет мужскую концепцию. Что свойственно культурам Северного Кавказа.

«Конный – пеший». Обращение к этой этико-коммуникативной оппозиции носит скорее обобщающий характер, поскольку именно к этой семантической паре, в наибольшей степени содержащей архаические «рыцарские» аллюзии алан, сводится этноспецифика традиционного этикета осетин [20]. В целом основа коммуникативной культуры осетин выстраивается вокруг моральных и поведенческих норм, воинского / всаднического происхождения и нравственного содержания поведенческой стилистики упомянутой выше мужской субкультуры. Отсюда и феномен личностных образов. Мы можем констатировать достаточно долгое бытование условной культуры всадника, в частности строгих требований к эстетике имиджа мужчины. К концу XIX века относится следующее наблюдение о «типах настоящих горцев», которые «поражают более всего во Владикавказе» [36, с. 155]. Характерно при этом, что «иной и одет бедно, и лошадь-то у него не Бог весть чего стоит, а вся фигура всадника с его оригинальной посадкой, закутанного в башлык, в бурке, надетой на бок, с винтовкой за плечами, шашкой и кинжалом так и просится на картину» [36, с. 155]. Особенный акцент на вооружении допустимо рассматривать как своего рода знак социальной полноценности мужчины. В своеобразной «мужской» стилистике оружие было «принадлежностью костюма», «украшением» [37, с. 93], «главным щегольством осетина» [38, с. 291], но отнюдь не признаком повышенной агрессивности. Это качество, как и прочие сильные проявления эмоций, в рамках мужской субкультуры подвергались осуждению, традиционная культура насыщена нормами миротворческого содержания [39].

Отчетливые стандарты «рыцарской» субкультуры *лæгдзинад* присутствовали не только в эстетике, но и в семантике собственных поступков. Одним из примеров воинских ценностей в идентификационном «мужском» мышлении осетин может служить поступок видного политического и общественного деятеля Заурбека Калоева (1876–1935 гг.). Известно, что он ходатайствовал о строительстве дороги, которая соединила бы Северную и Южную Осетию. После отказа М.И. Калинина подписать соответствующие документы З.З. Калоев, будучи облаченным в черкеску, снял с себя кинжал вместе с поясом, к которому он крепился, сложил свое вооружение на столе руководителя и направился к выходу. На вопрос М.И. Калинина он пояснил, что не может более этого носить, поскольку не смог добиться блага для своего народа, а по сути не сумел сдержать данного соотечественникам обещания – «слова мужчины». ¹ Оружие (как и символическое

¹ Об этом случае много лет назад автору поведал Георгий Заурбекович Калоев, сын Заурбека Забеевича Калоева.

разоружение) сохраняло свое знаковое содержание в системе социальной коммуникации, включая случаи, когда боевого столкновения нет и в помине. Дорога была построена много позднее, но в память о З.З. Калоеве возле одного из порталов Рокского тоннеля ему был установлен памятник.

Многие, в частности имиджевые, элементы перешли в традиционный период из архаического, к примеру, облик мужчины традиционного периода в ситуациях любого официозного общения должен был приближаться к парадному. В 1871 году В.Б. Пфафф опубликовал такое наблюдение: «По окончании молебна была назначена сельская сходка. Все мужчины деревни явились на этой сходке вооруженными кинжалами и в прекрасной одежде... Общество остановилось полукругом» [40, с. 151]. В традиционный период вооружены были даже юноши на танцах. Любое событие, выведившее мужчину на уровень социальной коммуникации, заставляло его «представить» себя обществу самым наилучшим образом, это касалось снаряжения, манеры держаться, осанки и пр. В частности, во имя поддержания церемониальной атрибутики «мужского» культурного стиля следовало также строго придерживаться определенных прочих стереотипов: кинесических (стоять статно и по определенным правилам, не жестикулировать чрезмерно), проксемических (занять именно «свое» по статусу / возрасту место в открытом и закрытом пространстве) и пр.

На самом деле существует множество других этико-коммуникативных циклов. Так, большое значение на Кавказе имеет культурный комплекс гостеприимства, но фактически он реализуется посредством многочисленных стереотипов, системно принадлежащих трем рассмотренным выше коммуникативным оппозициям.

Нравственные установки, условные моральные кодексы, конкретные поведенческие программы, производные от воинской идеологии кавказских алан, в той или иной степени стали частью этнокультурного наследия многих народов региона, спроецировав их вполне очевидное культурно-ментальное и коммуникативное созвучие, позво-

ляющее допустить тезис о своеобразной северокавказской цивилизации [41]. Для осетин же, как прямых потомков алан, это наследие, сформировав статическую, то есть неизменную часть этнического сознания, стало основой духовного, психологического и нравственного единства веками разделенного народа, его культурно-психической базовой общности [17].

Таким образом, мы можем утверждать, что в образно-символическом, нравственно-этическом, коммуникативном сопровождении культурно-антропологического феномена «этническая личность» отражены конкретные обстоятельства исторического развития народа. Во многом специфике стереотипов, свойственных традиционной культуре общения осетин, предопределили воинские / всаднические аллюзии. В целом исследования показали, что в суждениях молодых осетин об «идеальной этнической личности» и обобщенном этико-мировоззренческом сопровождении этого важнейшего этноидентификационного феномена все еще присутствует архаический социокультурный тип, дополненный, конечно, современными представлениями об успехе. Молодым осетинам свойственно убеждение, что стоит проявить уважение в отношении старшего по возрасту, однако не в той степени, как если бы в исторической памяти этого народа присутствовали реалии только и исключительно патриархально-общинного уклада. Занимательным показался тот факт, что практически все опрошенные в перечислении основных характеристик этнической личности ориентированы на описание мужчины.

Стереотипы, в представлениях молодежи закрепленные за «идеальной» этнической личностью, напрямую отражают характеристики этнического самосознания, ценностной сферы народа, предполагаемых направлений и тенденций его социального и духовного развития и пр., что в рамках современной исторической антропологии доказывает перспективность обращения к проблеме этнических образов и соответствующих им коммуникативных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хадикова А.Х. Факторы неортодоксализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект – субъектный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2022. Т. 33. № 3. С. 34–41.
2. Хадикова А.Х. Этнофор: историко-этнографический аспект изучения (на материале исследования феномена этничности разделенного осетинского этноса) // Известия СОИГСИ. 2022. № 46 (85). С. 105–116.
3. Канукова З.В. Этнокультурное брендинг как ресурс инновационного развития и межнационального согласия // Культура и пространство. – Ростов-на-Дону, Пятигорск, 2011. С. 28–32.
4. Канукова З.В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. Т. 6. № 3. С. 121–124.
5. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71–82.
6. Популярная психологическая энциклопедия. – Москва: Эксмо, 2003. 640 с.
7. Таказов Ф.М. Архетипы культурного героя в осетинской мифологии // Фарн Вассо. – Цхинвал, 2020. С. 498–504.
8. Таказов Ф.М. Цикл Сослана в Нартовском эпосе осетин: сюжетно-мотивный состав // Известия СОИГСИ. 2018. № 30 (69). С. 139–146.
9. Дарчиев А.В. О некоторых аспектах образа Дзерассы в осетинской Нартиаде // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 132–138.
10. Гутиева Э.Т. Безымянный сын Урузмага // Энциклопедия осетинской Нартиады. В 3-х томах. 2022. Т. 1. С. 212–214.

11. Марзоев И.Б.Т. Осетины – кавалеры персидского Ордена Льва и Солнца // *Kavkaz –Forum*. 2021. № 6 (13). С. 72–86.
12. Марзоев И.Б.Т. Род Баевых в истории Осетии (XIX – нач. XXвв.) // *Известия СОИГСИ*. 2017. № 24 (63). С. 37–48.
13. Гостиева Л.К. Деятельность Г.В. Баева по христианскому просвещению в Осетии // *Известия СОИГСИ*. 2020. № 35 (74). С. 35–47.
14. Гостиева Л.К. Просветители Осетии. Очерки о деятелях Православной Церкви второй половины XIX – начала XXвв. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2021. 514 с.
15. Цориева И.Т. Теоретическое искусство Махарбека Туаганова и Азанбека Джанаева в контексте преемственности в национальной культуре // *Вестник Владикавказского научного центра*. 2021. Т. 21. № 2. С. 18–24.
16. Цориева И.Т. Литературное наставничество в советской культурной практике: Ю.Н. Либединский и осетинские писатели // *Известия СОИГСИ*. 2022. № 43 (82). С. 56–69.
17. Хадикова А.Х. *Æгъдау: нравственный феномен как историческая реальность алано-осетинского культурного единства. Алания от А до Я* – Владикавказ, 2021. С. 53–59.
18. Хадикова А.Х. Феномен этничности разделенного осетинского народа: истоки и факторы воспроизводства // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова*. 2012. С. 82–87.
19. Хадиков Х.Х. *Иронфæтк. Осетинская этнографическая энциклопедия*. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. С. 270–271.
20. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2015. 440 с.
21. Гутнов Ф.Х. *Аристократия алан*. – Владикавказ: Ир, 1995. 141 с.
22. Латышев В.В. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. 1896. Т. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906. 365 с.
23. Карпов Ю.Ю. *Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX – начала XX в.* – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 312 с.
24. Абаев В.И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. В 4 т. Т.4. U–Z. – М.; Л.: Наука, 1989. 325 с.
25. Ванев З.Н. *Из истории родового быта в Юго-Осетии*. – Тбилиси: Издательство Академии Наук Грузинской ССР, 1955 г. 104 с.
26. Багаев А.Б. *Военное дело осетин XV–XIX вв.* – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН 2011. 215 с.
27. Кануков И.Д. *В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика*. – Орджоникидзе: Ир, 1985. 471 с.
28. Гордеев Г.С. *Вероисповедание, суеверие, обряды, правление, обычаи и нравы осетин* // *Тифлисские ведомости*. 1830. № 28.
29. Багаев А.Б. *Ритуально-обрядовые формы поведения в возрастной субкультуре старших осетин* // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2020. № 24. С. 142–151.
30. Багаев А.Б. *Ритуальные действия в охотничьей субкультуре осетин* // *Известия СОИГСИ*. 2020. № 38 (77). С. 24–33.
31. Багаев А.Б. *Пастушьья субкультура осетин* // *Kavkaz-Forum*. 2020. № 2 (9). С. 113–123.
32. Багаев А.Б. *Субкультурный комплекс абреков у осетин* // *Известия СОИГСИ*. 2022. № 46 (85). С. 28–36.
33. Багаев А.Б. *Силовые игры в мужской субкультуре традиционного осетинского общества* // *Известия СОИГСИ*. 2021. № 42 (81). С. 13–20.
34. Багаев А.Б. *Конные игры в мужской субкультуре осетин* // *Известия СОИГСИ*. 2022. № 44 (83). С. 23–33.
35. Багаев А.Б. *Танцы в мужской субкультуре традиционного осетинского общества* // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2021. № 28. С. 53–62.
36. Владыкин М.Н. *Путешествие и собеседник в путешествии по Кавказу*. – М., 1885. Ч.1. 115 с.
37. Кокеев С.В. *Записки о быте осетин* // *Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее*. Вып.1. М.: тип. Т. Рис, 1885. – 205 с. С. 66–112.
38. Дубровин Н.Ф. *Осетины* // *История войны и владычества русских на Кавказе*. Т.1. Кн. 1. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. 656 с.
39. Дауева Т.Т. *Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX вв.)* – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 226 с.
40. Пфаф В. Б. *Путешествие по ущельям Северной Осетии* // *ССК. Под ред. Н. Зейдлица Т.1.* – Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1871. С. 127–176.
41. Бесолова Е.Б., Хадикова А.Х. *Об особенностях северокавказской цивилизации* // *Известия СОИГСИ*. 2016. № 20 (59). С. 25–39.
- Интернет - ресурсы
42. «Осетия. Жизнь своих». Первый канал. 2023. https://www.youtube.com/watch?v=8NoMa_rVvKQ
43. «Что нужно знать об осетинах». <https://yandex.ru/video/preview/2668074067057889602>

REFERENCE

1. Khadikova A.H. *Factors of neotraditionalism in modern processes of ethnic self-identification of Ossetians: object – subject aspect of the problem* // *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 33. No. 3. P. 34–41.
2. Khadikova A.H. *Ethnophore: historical and ethnographic aspect of the study (based on the research of the phenomenon of ethnicity of the divided Ossetian ethnos)* // *Izvestiya SOIGSI*. 2022. No. 46 (85). P. 105–116.
3. Kanukova Z.V. *Ethnocultural branding as a resource of innovative development and interethnic harmony // Culture and space*. Rostov-on-Don, Pyatigorsk, 2011. P. 28–32.
4. Kanukova Z.V. *Traditional culture in the formation of regional branding // Sustainable development of mountain territories*. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 121–124.
5. Kanukova Z.V., Gutieva E.Sh. *Urban space of the North Caucasus: traditional culture in the conditions of urbanization (the second half of the XIX – early XX centuries)* // *Izvestiya SOIGSI*. 2013. No. 10 (49). P. 71–82.
6. *Popular psychological encyclopedia*. - Moscow :Eksmo, 2003. 640 p.
7. Takazov F.M. *Archetypes of a cultural hero in Ossetian mythology* // *FarnVasso. Tskhinval*. 2020. P. 498–504.
8. Takazov F.M. *The cycle of Exile in the Nart epic of Ossetians: plot and motive composition* // *Izvestiya SOIGSI*. 2018. No. 30 (69). P. 139–146.
9. Darchieva A.V. *On some aspects of the image of Dzerassa in the Ossetian Nartiad* // *Bulletin of Tomsk State University*. 2019. No. 447. P. 132–138.
10. Gutieva E.T. *The nameless son of Uruzmag* // *Encyclopedia of the Ossetian Nartiada*. In 3 volumes. 2022. Vol. 1. P. 212–214.
11. Marzoev I.B.T. *Ossetians – cavaliers of the Persian Order of the Lion and the Sun* // *Kavkaz –Forum*. 2021. No. 6 (13). P. 72–86.
12. Marzoev I.B.T. *The Bayev family in the History of Ossetia (XIX – beginning. XXvv.)* // *Izvestiya SOIGSI*. 2017. No. 24 (63). P. 37–48.

13. Gostieva L.K. G.V. Baev's activity on Christian enlightenment in Ossetia // *Izvestiya SOIGSI*. 2020. No. 35 (74). P. 35-47.
14. Gostieva L.K. *The Enlighteners of Ossetia. Essays on the figures of the Orthodox Church of the second half of the XIX – early XX century – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2021. 514 p.*
15. Tsoarieva I.T. Creativity of artists Maharbek Tuganov and Azanbek Dzhanayev in the context of continuity in national culture // *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 18-24.
16. Tsoarieva I.T. *Literary mentoring in Soviet cultural practice: Y.N. Libedinsky and Ossetian writers // Izvestiya SOIGSI*. 2022. No. 43 (82). P. 56-69.
17. Khadikova A.Kh. *Agdau: a moral phenomenon as a historical reality of the Alano-Ossetian cultural unity. Alania from A to Z – Vladikavkaz: Ir, 2021. P. 53-59.*
18. Khadikova A.H. *The phenomenon of ethnicity of the divided Ossetian people: origins and factors of reproduction // Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University*. 2012. P. 82-87.
19. Khadikov H.H. *Iron fætk. Ossetian Ethnographic Encyclopedia. Vladikavkaz: Project-Press, 2012. P. 270-271.*
20. Khadikova A.H. *Ethnic images and traditional behavior patterns of Ossetians. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2015. 440 p.*
21. Gutnov F. H. *Aristocracy Alan. – Vladikavkaz: Ir, 1995. 141 p.*
22. Latyshev V. V. *News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. 1896. Vol. 2. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1906. 365 p.*
23. Karpov Yu. Yu. *Dzhigit and the wolf. Male unions in the socio-cultural tradition of the Caucasian highlanders of the XIX - early XX century. – St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 1996. 312 p.*
24. Abaev V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 t. t.4. U–Z. – M.; L.: Nauka, 1989. 325 p.*
25. Vaneev Z. N. *From the history of ancestral life in South Ossetia. – Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1955. 104 p.*
26. Bagaev A.B. *Military affairs of the Ossetians of the XV–XIX centuries. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS 2011. 215 p.*
27. Kanukov I. D. *In the Ossetian village. Short stories, essays, journalism. – Ordzhonikidze: Ir, 1985. 471 p.*
28. Gordeev G. S. *Religion, superstition, rituals, rule, customs and customs of Ossetians // Tiflis Vedomosti. 1830. № 28.*
29. Bagaev A.B. *Ritual and ceremonial forms of behavior in the age subculture of older Ossetians // Izvestiya SOIGSI. School of Young Scientists. 2020. No. 24. P. 142-151.*
30. Bagaev A.B. *Ritual actions in the hunting subculture of Ossetians // Izvestiya SOIGSI. 2020. No. 38 (77). P. 24-33.*
31. Bagaev A.B. *Shepherd subculture of Ossetians // Kavkaz-Forum. 2020. No. 2 (9). P. 113-123.*
32. Bagaev A.B. *The subcultural complex of abreks among Ossetians // Izvestiya SOIGSI. 2022. No. 46 (85). P. 28-36.*
33. Bagaev A.B. *Power games in the male subculture of traditional Ossetian society // Izvestiya SOIGSI. 2021. No. 42 (81). P. 13-20.*
34. Bagaev A.B. *Equestrian games in the male subculture of Ossetians // Izvestiya SOIGSI. 2022. No. 44 (83). P. 23-33.*
35. Bagaev A.B. *Dancing in the male subculture of traditional Ossetian society // Izvestiya SOIGSI. School of Young Scientists. 2021. No. 28. P. 53-62.*
36. Vladykin M.N. *Guidebook and companion in a journey through the Caucasus. – M., 1885. Part 1. 115 p.*
37. Kokiev S. V. *Notes on the life of Ossetians // Collection of materials on ethnography, published at the Dashkovsky Ethnographic Museum. Issue 1. Moscow: type. T. Rice, 1885. – 205 p. P. 66-112.*
38. Dubrovin N. F. *Ossetians // History of the war and the rule of the Russians in the Caucasus. Vol. 1. Book 1. St. Petersburg: Type. Department of Appanages, 1871. 656 p.*
39. Daueva T.T. *Conflicts and peacemaking practices in Ossetian society (late XVIII – early XX centuries) Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2017. 226 p.*
40. Pfaf V. B. *Journey through the gorges of North Ossetia/SSK. Edited by N. Zeidlitz, vol. 1. – Tiflis: Type of the Office of the Commander-in-Chief of the Civil unit in the Caucasus, 1871. P. 127-176.*
41. Besolova E.B., Khadikova A.H. *About the peculiarities of the North Caucasian civilization // Izvestiya SOIGSI. 2016. No. 20 (59). P. 25-39*
- Internet resources
42. "Ossetia. The life of their own." Channel One. 2023. https://www.youtube.com/watch?v=8NoMa_rRvKQ
43. "What you need to know about Ossetians." <https://yandex.ru/video/preview/2668074067057889602>

